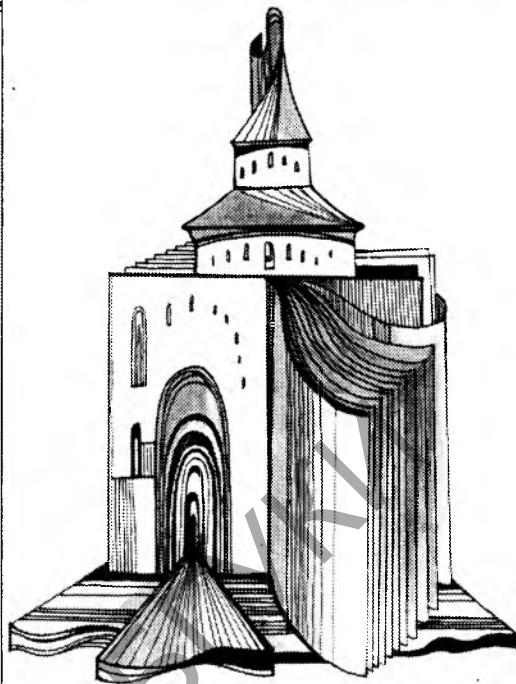

«... Русалка на ветвях сидит»

В мифологии восточных славян помимо персонажей, прочно связанных с определенной природной или местной средой (леший, водяной, полевик, домовый, банник), есть герои, чье происхождение неоднозначно, а функции расплывчаты. Таковы, например, русалки — водные духи, утопленницы, связанные одновременно со стихией воды, культом плодородия и миром мертвых.

Русалками в славянской мифологии называются вредоносные, как правило, существа, в которые превращаются умершие неестественной смертью (чаще всего — утонувшие) девушки, а также проклятые, мертворожденные или некрещенные дети. С водой, таким образом, русалок связывает не происхождение, а основное место обитания и сами условия бытия. Русалки живут в любых водоемах — озерах, реках, колодцах, но предпочитают «пустые, глухие воды»¹, спокойные, стоячие места, «шоб не занесла вода»². Без воды русалки долго существовать не могут, «далеко от берега реки или озера не отходят, потому что боятся обсохнуть»³.

До тех пор, пока русалки живут в воде (дс русальной недели, наступающей после Троицы), людям нельзя купаться, «потому что или

болезнь какая-нибудь приключится или русалки к себе затащат в глубь реки и утопят»⁴. «Лучше всего избегать в русальную неделю приводных мест, не купаться, не колотить белья, не ловить рыбы»⁵.

Однако, в отличие, к примеру, от водяного, русалки не живут в воде постоянно. Там они проводят дневное время суток и большую часть года, а весной, в русальную неделю, покидают ее, выходят на берег. На земле они живут с Семика (четверга, предшествующего Троице) до Петрова дня (12 июля). В это время для них исчезает опасность «погибнуть на суше». Они безбоязненно и весело размещаются на берегу водовместилища, даже уходят в ближайшие рощи, на луга и поля, взбираются на деревья, чтобы покачаться на сучьях и верхушках их»⁵. «Оставляя с Троицы воды и рассыпаясь вплоть до осени по полям, перелескам и рощам, русалки выбирают себе развесистую, склонившуюся над водой иву или плакучую березу, где они и живут»⁶. Русалки обживают и другие «высокие деревья, как, например, дуб, липа и др.»⁷.

По образу жизни связанные не только с водой, но и с землей,

УХОВА Ирина Владимировна —
доцент кафедры теории
музыки и музыкального
образования Белорусского
государственного
университета культуры
и искусства

И. Крамской. «Майская ночь. Русалки». 1871 г.

растительностью русалки сочетают в себе черты водных духов и признаки духов плодородия, «подательниц» живительной влаги. Сами сроки их переселения на землю свидетельствуют об их продуктивной, вегетативной функции. Выход русалок из воды на сушу происходит тогда, когда почва более всего нуждается в дожде, способствующем хорошему урожаю, в период цветения злаков, на границе весны и лета.

Влияние русалок на вегетацию растений никогда сомнению не подвергалось: издавна было известно, что там, где они «бегали и резвились, там трава растет гуще и зеленее, там и хлеб родится обильнее». Впрочем, аграрные усилия русалок не всегда бывают во благо человеку: рассердившись, «они могут насылать на поля сокрушительные бури, проливные дожди, разрушительный град»⁸.

Эта продуцирующая функция русалок в верованиях славян является, по-видимому, наиболее древней: именно она получила отражение в общеславянских аграрных празднествах русальной недели. Т. А. Иващенко отмечал: «...У белорусов сохранился богатейший культурный комплекс Русальной недели (местные названия неде-

ли — Троицкий май, понедельник — «день русалки», «Иванда-Марья»), представления и поверья о русалках, обряды поисков и проводов русалки, хороводно-обрядовая игра с выбором русалкой пары, проводы пары в рожь, выкликание их из ржи вечером, драматическая игра в русалку, тематически более широкий, чем у соседей, круг песен»⁹.

По мере выполнения своих функций русалка как материальное воплощение плодородия постепенно утрачивает свою ценность. Потому накануне жатвы, перед Петровым днем, ее как отживший свой срок дух растительности уничтожают — «изгоняют», «хоронят», «провожают». У восточных славян обряд «проводов русалки» приходится на первый понедельник Петровского поста. Русалку представляет сделанное из тряпок чучело, соломенная кукла или даже насаженный на палку конский череп, так как низшие божества часто изображаются в народной мифологии в виде коня.

В Беларуси роль русалки в этом обряде выполняет молодая девушка. Ее с ног до головы украшают зелеными ветками, травами, цветами, на голову надевают большой венок из папоротника так, чтобы он

закрывал ей лицо. Ряженную русалкой девушку (или чучело русалки, сделанное из соломы и тряпок) после торжественного вождения по селу с песнями и танцами выпроваживают за околицу — в лес, в поле (в жито), к реке. Там с «русалки» снимают венки, а чучело русалки сжигают или топят, отмечая таким образом окончание ее пребывания на земле¹⁰.

Русалки в представлении восточных славян тоже связаны с миром мертвых, они представляют собой вредоносных покойников — девушек, женщин, детей, умерших не своей смертью. И в этом качестве русалки являются, безусловно, существами, встреча с которыми для человека может быть гибельна.

Вред, причиняемый русалками, бывает разной степени тяжести: от похищения у женщин и порчи ниток, пряжи, полотна до кражи младенца, оставленного жницей в поле. Русалки могут насылать болезни, несчастья, непогоду, морочить и сбивать с дороги путника. Они щиплют, кусают, душат, щекочут свою жертву, пока она не умрет от смеха. Более всего русалки опасны в русальную неделю. Подстерегая свои жертвы у водоемов, они затягивают в воду женщин, стирающих на берегу, топят неосторожных купающихся. «Наиболее активны те из них, кто умер неудовлетворенным, с каким-либо страстным желанием, или же те, кто отличался беспокойным характером при жизни»¹¹, — отмечал Д. К. Зеленин.

Защитой от русалок может быть все то, что применяется по отношению к нечистой силе вообще: крест, молитва, круг, очерченный вокруг себя при помощи железных орудий (ножа, серпа), «укол хотя бы одной из них иголкой или булавкой, которые необходимо иметь при себе и наготове»¹². Кроме того, защититься от русалки можно растениями с сильным запахом — полынью, хреном, чесноком. Полынь во-

обще является самым сильным специфическим оберегом от русалок, поэтому, «уходя после Троицына дня в лес, надо брать эту траву с собой»¹³.

Внешний облик русалок почти всегда антропоморфен: их обычно представляют в виде нагих женщин и девушек, которые «большей частью молоды, стройны, соблазнительно хороши». Однако «иные утверждают, что у русалок между перстов есть перепонка, как у гуся, ...другие даже, что у нее вместо ног раздвоенный рыбий хвост»¹⁴. Последний атрибут, правда, у славянской русалки редок: хвост — это признак античных наяд или сирен, известных у славян под именем фараонки. Это название «объясняется апокрифической легендой о превращении преследователей Моисея — фараона войска — в водяных и русалок»¹⁵. Впрочем, подобные зооморфные черты у русалок в славянской мифологии являются необязательными: они лишь напоминают о связи русалок со стихией воды, коей также обязаны своими «длинными, распущенными, большей частью, зелеными волосами»¹⁶.

С плодородием скорее всего связан пол русалки (чаще всего — женский) и некоторая гипертрофия половых признаков, отмеченная этнографами в отдельных районах, например, во Владимирской области или в Беларуси): «могилевская русалка, когда за ней гоняются с головешкой, «вялізныя грудзі перакінець назад, бо дужа вялікія»¹⁷.

О родстве русалок с мертвецами, утопленниками отчетливо напоминает их тело — голубоватое или синеватое, а также «бледное бескровное лицо... без краски (румянца)..., тощие и холодные руки»¹⁸.

Русалкам, таким образом, как бы присущи свойства трех разных мифологических персонажей — водяной девы, духа растительности и нежити, ожившего мертвеца-утопленни-

ка. Признаки каждого из них нашли свое отражение в их внешнем облике. Сейчас такое понимание образа кажется почти очевидным, однако его утверждению предшествовали долгие научные исследования.

Начало изучению славянских поверий, посвященных русалкам, положил И. Сахаров, опубликовавший в третьем издании «Сказаний русского народа» (1841) полуфантастическую «Чародейскую песню русалок»¹⁹. Сбор и систематизацию фольклорных материалов продолжили А. Афанасьев, В. Даль, С. Максимов и др. К началу XX века их работу можно считать в основном завершённой.

Однако, несмотря на достаточность и разнообразие фольклорных источников, тщательность выполненных на их основе этнографических исследований, общей точки зрения на данный персонаж народных верований так и не было найдено. На протяжении всего XX века образ русалки нуждался в дополнительном осмыслении не меньше (если не больше), чем в его начале — слишком уж разноречивы оказались сведения о ней.

Не было фактически ни одного пункта, по которому исследователи народных поверий и суеверных рассказов могли бы прийти к однозначным выводам. Неопределенным, спорным в русалке казалось все. Во-первых, ее внешность: кто она — косматая старуха или молодая красавица, целиком антропоморфное существо или широко известная дева с рыбьим хвостом вместо ног? Во-вторых, ее происхождение: является ли она женской разновидностью водного духа или девой-утопленницей, проклятым родителями ребенком или духом растительности?

Неясными казались также среда ее обитания (вода или поле, лес или кладбище), места наиболее вероятного появления (прибрежные камни или ветки деревьев, цветущая рожь, межа или перекресток) и

функции русалки (вредоносность по отношению к людям или благоприятствование вегетации растений). Все в этом персонаже народной фантазии было противоречиво, порой взаимоисключающе.

Противоречия во внешнем облике русалок еще можно было объяснить их региональными разновидностями — обитанием в мягком степном климате украинских водных панночек или в окружении глухих темных лесов северорусских и полесских русалок (своей малосимпатичной внешностью те, скорее, напоминают лешачих). Но вопросы происхождения русалки, ее принадлежности к определенному классу мифологических существ, равно как и связанные с ними вопросы определения основных функций и признаков этого персонажа, оставались предметом неутихающих научных споров.

Начало им в 1916 году положил фундаментальный труд Д. Зеленина «Умершие неестественной смертью и русалки», в котором подвергалось пересмотру утвердившееся в XIX веке представление о русалках как о «водяных демонах» (А. Афанасьев) или «сказочных жилицах вод» (В. Даль). В исследовании Д. Зеленина кроме водяных русалок описаны также лесные, полевые и домашние ее разновидности — те, которые не сидят в воде, а качаются на ветках, плетут венки, стерегут цветущую рожь, портят посевы, парятся в бане, стирают белье, прядут. Но все они рассматриваются автором исключительно как духи мертвецов, «заложных» (умерших не своей смертью, до срока, беспокойных, вредоносных) покойников.

Причем определяющим фактором для превращения покойника в русалку считается не способ смерти (утопление), не возраст и даже не пол (русалкой мог стать и мужчина, умерший на русальной неделе), а главным образом харак-

тер смерти (преждевременный или насильственный), а также время ее наступления (первая неделя после Троицы).

Такое представление о русалках исключительно как о «заложных» покойниках следовало бы все же признать сравнительно поздним мифологическим наслоением, возникшим под влиянием христианства. С языческой точки зрения, по-видимому, наиболее существенной является все же связь русалок с весенне-летними сельскохозяйственными обрядами. Именно на это в последней четверти XX века указывают исследования В. Соколовой (1979), на том же настаивает, полемизируя с Д. Зелениным, Н. Толстой (1991).

Э. Померанцева (1975), стремясь истолковать отдельные несообразности фольклорных свидетельств, развивает идею Д. Зеленина о том, что в суевренных рассказах восточных славян о русалках зафиксированы их древние, не слившиеся воедино, представления о нескольких разных мифологических существах: полуднице, водянице, лешачихе и древнегреческой наяде.

Наибольшую гибкость и взвешенность демонстрируют современные научные исследователи Л. Виноградова, С. Толстая, Е. Левкиевская. Они отказываются от избирательности и иерархичности в оценке русалочьих функций и признаков. Как считает Л. Виноградова, утверждения типа «вредность русалок — позднее явление», «связь русалок со стихией воды является исконной, а с житом позднейшей» достаточно бесперспективны. Они основываются на произвольных предположениях. «Более правильным на современном этапе исследований будет допустить, что такая двойственность, логическая непроясненность и противоречивость образа «потустороннего мира» может быть признана явлением синхронного среза, так как это

свойства самой модели языческого мира, позволяющие совмещать черты взаимоисключающие»²⁰.

Интересно, однако, то, что разноречивость, несогласованность фольклорных представлений никак не сказались на художественных воплощениях образа. Образ русалки, нашедший самое широкое претворение фактически во всех без исключения видах искусства, достаточно однотипен и даже, пожалуй, стандартен.

Как и в фольклоре, где, несмотря на все противоречия, преобладающим является все же образ нагой длинноволосой прелестницы, в профессиональном художественном творчестве главенствующим становится один неизменный тип русалки, в котором сочетаются таинственность и холодная красота, поэтичность и трагизм и который обычно оказывается гибельным для того, кто его встретит.

Как раз в таком единственном виде, оттеснив на второй план разноречивые варианты фольклорного прообраза, русалка и утвердилась в наших представлениях благодаря бесчисленным воссозданиям ее в художественной прозе, поэзии, изобразительных искусствах и музыке.

В русской поэзии многочисленные описания русалок появляются уже в конце XVIII — начале XIX века, главным образом в переводах и подражаниях западноевропейским источникам. На этом этапе развития литературы они чаще всего предстают в облики ундины (В. Жуковский. Баллада «Рыбак» и повесть «Ундина»), античных сирен и наяд, а также близкой им по духу северогерманской Лорелеи (одноименные стихотворения А. Майкова, Л. Мея).

В соответствии с западноевропейской традицией местом их обитания являются главным образом морские воды (А. Апухтин. «Фея моря»), а отличительны-

ми особенностями — чарующий голос и отсутствие ног: «лежит на песке золотом чудо морское с зеленым хвостом» (М. Лермонтов. «Морская царевна», 1841); «И пела русалка — и звук ее слов долетал до крутых берегов» (М. Лермонтов. «Русалка», 1832).

Постепенно под влиянием широкого интереса к народным поверьям и национальному эпосу (например, былинам о Садко) в русской поэзии формируется иной, фольклорно более точный образ. Однако для большинства поэтических произведений не только XIX, но и начала XX века характерно соединение в одно целое европейских и славянских представлений. Таковы «дева-ундина ... из бездонной пучины морской» (Н. Гумилев. «Русалка», 1905) или «нагая красавица», что «на море на синем камени ... сидит, белые ноги в воде студит, заывает с пути корабельщиков» (И. Бунин. «Морская красавица», 1923); «бледная дева...на темном влажном дне морском» (К. Бальмонт. «С морского дна», 1901) и бедная утопленница: «Мне больше ног моих не надо, пусть превратятся в рыбий хвост!» (А. Ахматова. «Мне больше ног моих не надо...», 1911). Национальная характеристика проступает чаще всего в виде отдельных штрихов, деталей. Так, почти этнографической точностью поражает пушкинское: «...Русалка на ветвях сидит» («Руслан и Людмила», 1820) или его же: «...нас греет луна» («Русалка», 1836). Фольклорной достоверностью сразу по нескольким параметрам — место пребывания, действия, внешность — отличаются строки В. Хлебникова: «На камнях волос чешет русалочий прозрачный пол и прячется в деревьях липы» («Поэт», 1919).

Древесное местопребывание, по мнению большинства поэтов, является одним из важнейших признаков славянской русалки:

Мы при месячных лучах
Раскачались на древах,
Хохотливые русалки, —
Вдруг услышали твой зов...
И примчались из лесов...
(В. Кюхельбекер.
«Ижорский», 1827)

В. Кюхельбекер вообще полагал, что славянские русалки живут исключительно в лесу, в воде же живут другие духи — ондины (ундины):

Дом наш в глубине пучины,
Но на берег вышли мы
Из речной, прохладной тьмы,
Сладкогласые ондины...
(В. Кюхельбекер. «Ижорский»)

Из внешних признаков славянской русалки и в XIX, и в XX веке поэты чаще всего упоминают бледный цвет ее кожи: «Легка, как тень ночная, бела, как ранний снег холмов» (А. Пушкин. «Русалка», 1819); «Она как русалка, воздушна и странно-бледна, в глазах у нее, ускользя, играет волна» (К. Бальмонт. «Она как русалка...», 1897); «Выйди, белая русалка, к лодке, дремлющей у вод» (Н. Клюев. «Прогулка», 1907); «Я вясною пляснусь-ускальхнусь, зеляною муравой убярусь, выйду, белая, з цёмнай вады» (М. Богданович. «Русалка», около 1915).

Длинные, украшенные растительностью волосы также могут считаться одной из главных примет восточнославянской поэтической русалки — русской, белорусской, украинской: «Опутана зелеными власами, она сидит на берегу крутом» (А. Пушкин. «Как счастливая», 1826); «...в косу вплелася морская трава» (М. Лермонтов. «Морская царевна», 1841); «...на зеленые длинные волосы упадают листья, шурша» (А. Блок. «Осень поздняя», 1905); русалки «з осоки косы» (Т. Шевченко. «Порченая», 1837);

Месяц белы заплаканы свеціць,
Цягне з возера срэбныя сеці.
У іх русалкі заблуталі косы, —
Рвуць і блугаюць срэбныя ніцц.
(М. Богданович.
«Над возерам», 1909).

Славянская русалка, как правило, не так завораживающе красива, как ее западноевропейские сестры. Исключение составляют только, пожалуй, украинские панночки (Н. Гоголь. «Майская ночь», 1831). Живет она в пресной воде — реках, озерах, прудах и даже болотах. В отличие от западноевропейских, славянская русалка почти не поет — вместо этого она пугает путников «плеском, хохотом и свистом» (А. Пушкин), привлекает встречных смехом:

Она звала их, откликаясь
На непонятном языке.
И, видя проходящих парней,
Вечеровой порой, в тиши,
Еще нежней, еще коварней
Смеялась, зыбля камыши.
(В. Брюсов. «Русалка», 1907);

А я гучна смяюсь, хахачу,
Абхвачу, ... не пушчу, шчакачу!
(М. Богданович. «Русалка»).

Смех есть наиболее устойчивый признак восточнославянской русалки, и этим она выгодно отличается от часто тоскующей западноевропейской. В сказочных лесах часто «слышится русалки хохот» (В. Жуковский. «К Воейкову», 1814); «хохочет русалка сквозь пенис-

тых вод» (Д. Ознобишин. «Чудная бандура», 1836); и все таинственное и чудное вершится здесь «под смех русалочий, под взвизг лесовика» (В. Брюсов. «Из лесной жути», 1922).

Звуки, издаваемые русалкой, могут быть весьма разнообразны. Она то «тараторит в роще звучных камышей» (П. Вяземский. «Еще тройка», 1834), то рыдает, «неясным желаньем полна» (В. Хлебников. «Поэт», 1919), то «плачет, как дитя, ...нежно стонет» (А. Пушкин. «Русалка», 1819), то «вздыхает жалко» (А. Ахматова. «Теперь прощай, столица», 1917). Представления о русалочьих звуках необычайно расширяет поэтическая фантазия В. Хлебникова, который описывает то «дикий вой русалки пьяной» («Ночь в Галиции», 1913), то «маленькую пыхтящую русалку, ползущую из леса» («Приятно видеть», 1922), то забавную сценку, в которой русалки нестройно, но старательно разучивают хором чародейные заклинания, держа «в руке учебник Сахарова» («Ночь в Галиции»).

Как мы уже могли заметить, славянская русалка прочно связана не только с водой,

К. Маковский. «Русалки». 1878 г.

но и с растительностью, и особо — с лесом. В представлениях поэтов она не только живет в лесу, но и является подружкой лешего: «там русалки вторят звонким смехом лешему» (В. Брюсов. «Сказка», 1912); «леший по лесу шумит, про любовь свою к русалке с быстрой речкой говорит» (А. Кольцов. «Бегство»), а иногда — и его женой (Л. Мей. «Леший», 1861). Кроме леса русалку можно встретить и на «мельнице ветхой» среди «веселых брызг» (В. Хлебников. «Поэт»), и в городе.

Городская русалка — это порождение XX века, детище урбанизации и вместилище всех приписываемых ей пороков. Таковы «сирена бледная за стойкой» (Н. Заболоцкий. «Вечерний бар», 1926), продажные «на Невке не то сирены, не то девки» (Н. Заболоцкий. «Белая ночь», 1926) и устрашающая «русалка восставший» (В. Хлебников. «Над глухонемой отчизной», 1919).

Эти немислимые персонажи вытесняют или подменяют традиционную «деву вод», дни которой, по-видимому, сочтены:

Осень поздняя. Небо открытое,
И леса сквозят тишиной.

Прилегла на берег размытый
Голова русалки больной.

(А. Блок. Из цикла
«Пузыри земли», 1905).

Русалка, один из самых популярных поэтических персонажей XIX века, разделяет трагическую участь романтических символов уходящей эпохи. В XX веке отношение к ней колеблется от ностальгической тоски по невозвратно ушедшей красоте:

Я жду, что оживут
Осмеянные сказки:
Русалка приплывет,
Подымет, нагая,
Из сонной глади вод
И запоет, играя,
Зеленой косой.

(Ф. Сологуб. «Покрыла
зелень ряски», 1895)

до отвращения и агрессивного унижения — высмеивания «толстозадых русалок» (Н. Заболоцкий. «Знаки Зодиака», 1929) и «тухлых наяд» (А. Крученых. «Победа над солнцем», 1913).

В своем «отречении от старого мира» XX век бескомпромиссен и жесток. Уже в 1911 году, за несколько лет до начала всей цепи трагических катаклизмов русской истории, А. Ахматова с горечью констатирует: «У пруда русалку кликаю, а русалка умерла» («Я пришла сюда, бездельница», 1911). Ей вторит В. Хлебников, чьи строки можно считать своеобразной эпитафией веку романтизма: «Размолот старый мир работою рассудка, и старый мир — он умер на скаку! ... С ним и я, русалка, умерла» («Поэт», 1919).

¹ *Даль, В. И.* О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа. — СПб.: Литера, 1996. — С. 55.

² *Милорадович, В. П.* Заметки о малорусской демонологии. — Киев: Изд-во общества «Знание», 1991. — С. 13.

³ *Даль, В. И.* О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа. — С. 55.

⁴ *Богданович, А. Е.* Пережитки древнего мирозерцания у белорусов: этнографический очерк. Репринтное издание. — Минск: Беларусь, 1995. — С. 65.

⁵ *Никифоровский, Н. Я.* Нечистики, свод простонародных в Витебской Белоруссии сказаний о нечистой силе. — Витебск: Н. А. Паньков, 1995. — С. 65.

⁶ *Максимов, С. В.* Нечистая, неведомая и крестная сила. — М.: Терра, 1996. — С. 55.

⁷ *Шейн, П. В.* Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. Т. 1. Ч. 1 // Сборник Отделения русского

языка и словесности АН. — СПб., 1900. — С. 196.

⁸ *Максимов, С. В.* Нечистая, неведомая и крестная сила. — С. 55.

⁹ *Ивахненко, Т. А.* Белорусская русалка и родственные ей образы // Восточнославянский фольклор: поиски новых подходов. — Молодечно, 2000. — С. 59.

¹⁰ *Левкиевская, Е. Е.* Мифы русского народа. — М.: Астрель-АСТ, 2002. — С. 247—248; Соколова, В. Н. Весенне-летние календарные обряды русских украинцев и белорусов XIX — начала XX в. — М.: Наука, 1979. — С. 215—216.

¹¹ *Зеленин, Д. К.* Восточнославянская этнография. — М.: Наука, 1991. — С. 418.

¹² *Никифоровский, Н. Я.* Нечистики, свод простонародных в Витебской Белоруссии сказаний о нечистой силе. — С. 65.

¹³ *Максимов, С. В.* Нечистая, неведомая и крестная сила. — С. 56.

¹⁴ *Даль, В. И.* О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа. — С. 54—55.

¹⁵ *Померанцева, Э. В.* Мифологические персонажи в русском фольклоре. — М.: Наука, 1975. — С. 78.

¹⁶ *Ушаков, Д. Н.* Материалы по народным верованиям великорусов // Даль, В. И. О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа. Раздел 2: Материалы по русской демонологии. — С. 222.

¹⁷ Народная гравюра и фольклор в России X—XX вв. — М.: Советский художник, 1976. — С. 292—293.

¹⁸ Там же. — С. 292.

¹⁹ *Сахаров, И. П.* Русское народное чернокнижие. — СПб.: Литера, 1997. — С. 89—90.

²⁰ *Виноградова, Л. Н.* Мифологический аспект полеской «русальной» традиции // Славянский и балканский фольклор. — М.: Наука, 1986. — С. 122.